

ПРОРОК В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

*Николай Васильевич Гоголь (1809–1852 гг.).
Портреты 1840–1841 гг. работы Ф.А. Моллера*

Человечество свято бережет память о самом загадочном из русских классиков, Николае Васильевиче Гоголе. Его творчество всегда притягивало читателей и критиков, ученых и религиозных мыслителей, никого не оставляя равнодушным. Поводом еще раз прикоснуться к имени великого художника стал 200-летний юбилей Н.В. Гоголя, который его почитатели в разных странах отметили первого апреля нынешнего года.

Вспоминаются слова Гоголя о Пушкине «...это русский человек во всем его величии, каким он явится, может быть, через двести лет». Эти пророческие слова можно с полным правом отнести и к противоречивой, трагической, невероятно одинокой личности самого Гоголя. Мир отпраздновал двухсотлетие со дня его рождения, а гений, равный ему по силе таланта, по пронзительности сатирического слова, по остроте пера, по боли видимых и невидимых миру слез, так и не явился. Потому что Гоголь – единственное в своем роде, уникальное явление русской культуры.

Творчество Гоголя и теперь рождает споры, ведет к столкновению мнений. Слова «таинственный», «загадочный», «непостижимый», сопровождают писателя на протяжении почти двух столетий. Тайна жизни и смерти Гоголя будоражит воображение уже не одного поколения. Этому способствовал и сам писатель, любивший окружать таинственностью себя и свое дело. Специфика Гоголя и в том, что для него проблема смерти – главная проблема жизни, так он смотрит на все отношения – индивидуальные, социальные, планетарные.

«Большое видится на расстоянии»

Давно закрыта книга этой короткой яркой жизни, но те страницы, которые написаны в Италии, пожалуй, ярче всех. «Итальянский период» Гоголя оказался самым плодотворным, именно в благодатной итальянской почве проросли и пустили стрелки идеи будущих произведений. Годы, проведенные великим писателем в Риме, были своего рода приключением, счастливой остановкой на полном скитаний жизненном пути, красочный эпизод, позволивший Гоголю своими глазами увидеть итальянскую жизнь и подтолкнувший его к созданию многих произведений, в том числе повести «Рим».

В конце мая 1836 г., после постановки на сцене «Ревизора», измученный Гоголь уехал за границу, сначала во Францию, а потом, в марте 1837 г. – в Италию, где пробыл с перерывами около десяти лет. «Я устал и душой и телом, – писал он Пушкину после первого представления «Ревизора», – клянусь, никто не знает и не слышит моих страданий... Бог с ними со всеми! Мне опротивела моя пьеса! Я хотел бы бежать теперь Бог знает куда, и предстоящее мне путешествие, пароход, море и другие далекие небеса могут одни только освежить меня» [1, с. 6–7]. В марте 1837 г. он был в Риме, который чрезвычайно полюбился писателю и стал для него второй родиной. Европейская политическая и общественная жизнь всегда оставалась чужда и совсем незнакома Гоголю; его привлекала природа и произведения искусства, которые столь потрясли его в Риме. Гоголь изучал памятники древности, картинные галереи, посещал мастерские художников, любовался народной жизнью и любил показывать Рим, «угощать» им приезжих русских знакомых и приятелей. Он буквально упивался природой Италии, величавыми памятниками искусства в Риме, что видно из его писем к поэту П.А. Плетневу и своей ученице М.П. Балабиной, которая впоследствии вышла замуж за композитора Вагнера. «Все прекрасно под этим небом, – писал он Плетневу, – что ни развалина, то и картина; на человеке какой-то сверкающий колорит; строение, дерево, дело природы, дело искусства, все, кажется, дышит и говорит под этим небом. Нет лучшей участи, чем умереть в Риме, целой верстой здесь человек ближе к Богу» [1, с. 13].

Но во всей необъятности и полноте Гоголь мог видеть Россию лишь издалека, со стороны, чаще из своей любимой Италии. Именно там он написал второй том «Мертвых душ», именно там мог быть внутренне свободен, дышать полной грудью.

Сначала пребывание в «прекрасном далеке» как будто укрепило и успокоило его, дало возможность завершить величайшее произведение, «Мертвые души», — но стало зародышем и глубоко фатальных явлений. Первый том «Мертвых душ» дописывался в Италии, примерно тогда же создавался новый вариант «Портрета». Опыт работы с этой книгой, противоречивая реакция современников на нее так же, как в случае с «Ревизором», убедили Гоголя в огромном влиянии и неоднозначной власти его могучего таланта над умами современников. Эта мысль постепенно стала складываться в представление о своем пророческом предназначении, и соответственно, об употреблении своего дара, силы своего таланта на благо общества. В немалой степени эти идеи связаны со спецификой самооценки Гоголя: он считал себя учеником и духовным наследником самого Пушкина.

Судьбоносная встреча

Для понимания заграничного периода жизни Гоголя необходимо сделать

*Петр Александрович
Плетнев
(1761–1866 гг.)*

*Василий Андреевич
Жуковский
(1783–1852 гг.)*

*Рисунок Э. Эстеррейха
(1820 г.) с дарственной
надписью Пушкину*

*Александра Осиповна
Смирнова-Россет (1809 –
1882 гг.).
Акварель П. Соколова*

небольшой экскурс в Петербург периода конца двадцатых годов XIX века, куда в канун нового, 1829-го года приезжает молодой Гоголь и окунается с головой в самостоятельную, полную лишений жизнь. вспыхнула яркой звездой повесть «Вечер накануне Ивана Купала», опубликованная на страницах «Отечественных записок», первая ласточка, давшая толчок множеству статей и рассказов, напечатанных в журналах и альманахах, – и, наконец, его мечты начали сбываться: он достал рекомендательное письмо к одному из друзей Пушкина – поэту В.А. Жуковскому. Тот тепло приветствовал Гоголя и поручил заботу о нем П.А. Плетневу, поэту и критику, вхожему в царскую семью (он преподавал русский язык наследникам). Плетнев, который был старше Гоголя чуть ли не вдвое, стал его преданным другом и помощником. В сборнике «Арабески» он так хитроумно смешал рассказы и статьи, что все сложилось в затейливые узоры. Читатель вовлекался в игру, в которой одни и те же предметы видны то вблизи, в жизни отдельного человека, то вдали, в жизни целых народов. Гоголь как будто предлагал взглянуть на человеческую жизнь то в телескоп, то в микроскоп, то въяе, то во сне, то глазами ученого, то сумасшедшего.

Вскоре молодой Гоголь начал преподавать в Петербургском университете, куда к нему на лекцию по всемирной истории пришли в конце мая 1831 г. Пушкин и Жуковский, вызвав столпотворение среди студентов [2, с. 199]. Постепенно знакомство переросло в творческую дружбу, которой Гоголь гордился, найдя в Пушкине старшего товарища и литературного руководителя. Сближению двух писателей способствовал и переезд Гоголя в Павловск, по соседству с Царским Селом, где поэт провел лето 1831 года. А Гоголь устроился на лето в Павловск домашним учителем и почти каждый день ходил за четыре километра в Царское Село. Это было знаменательное для молодого Гоголя время! Благодаря Пушкину и Жуковскому он был введен в гостиную Карамзиных, своего рода связующее звено между литературным и придворно-аристократическим кругом, и познакомился с князем Вяземским, с семейством графа Виельгорского, с фрейлинами, среди которых блистала Александра Осиповна Россет, впоследствии Смирнова. Почти каждый вечер – собирался в этой гостиной цвет Петербургского общества. Пушкин и Жуковский работали в это время над созданием народных сказок, а Гоголь заканчивал «Вечера на хуторе близ Диканьки», проникнутые, помимо украинского народного колорита, духом русских сказок. Пушкин был на десять лет старше Гоголя. Встретились они, когда Пушкину было тридцать один год, а Гоголю – двадцать один. Пушкин недавно женился. Жизнь его изменилась – поэт остепенился, оставил дружеские пирушки, стал писать больше рассказов, чем стихов. Гоголь оказался для Пушкина подарком

судьбы. «Маленькое сокровище» – так назвала Гоголя одна из подруг Пушкина, красавица А.О. Смирнова. К моменту знакомства у Гоголя уже была готова первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки». В России одновременно появились два рассказчика – Гоголь и Пушкин. Мечты Гоголя сбылись – он обрел дружбу с первым поэтом России!

Гоголь вел себя с Пушкиным так мило и хитро, что «выклянчил» у него несколько сюжетов, которые тот придумал для себя, а именно сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ». Как-то раз в разговоре Пушкин поведал Гоголю, что некий авантюрист занимался в Псковской губернии покупкой у помещиков мертвых душ и за свои проделки арестован. «Знаете ли, – прибавил Пушкин, – это отличный материал для романа, я как-нибудь займусь им» [2, с. 197]. Пушкин, шутя, жаловался друзьям, что "хитрый малоросс украл" у него лучшие сюжеты. Но когда Гоголь показал ему первые главы своих «Мертвых душ», то увлекшись прелестью рассказа, вполне примирился с похитителем своей идеи и поощрял Гоголя продолжать поэму.

За границей Гоголь жил в Германии, затем в Швейцарии. Зимой 1837 г. он провел в Париже вместе с товарищем – А.С. Данилевским, а также своей петербургской знакомой, А.О. Смирновой, в салоне которой он проводил все вечера и с которой особенно сблизился. В этот относительно безмятежный парижский период на Гоголя обрушивается тяжелейший удар: через полгода после отъезда писателя из России он получает известие о смерти Пушкина, страшно его поразившее. По отзывам лиц, близко его знавших, эта преждевременная смерть была роковым ударом, болезненно преобразившим Гоголя, который так и не оправился от потрясения [3, с. 13]; он оплакивал всю жизнь своего великого наставника и друга. Вот что писал Гоголь Плетневу из Рима, поспешив перебраться туда из опостылевшего после смерти Пушкина Парижа: "Никакой не могло быть хуже вести из России". Гоголь потерял наставника, учителя, своего кумира – и взыскательного читателя. Он писал для Пушкина, рассчитывал на его понимание, на его высокий и нежный ум. За пять лет дружбы Гоголь привязался к Пушкину и смог узнать самые сокровенные творческие замыслы поэта. «Моя жизнь, мое высшее наслаждение умерло вместе с ним, – писал он из Рима М.П. Погодину в марте 1837 г. – Когда я творил, я видел перед собою только Пушкина. Ничто мне были все толки, я плевал на презренную чернь, известную под именем публики; мне дорого было его вечное и непреложное слово. Ничего не предпринимал, не писал я без его совета. Все, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему. И теперешний труд мой («Мертвые души» – О.С.) есть его создание. Он взял с меня клятву, чтобы я писал, и ни одна строка не писалась без того, чтобы он не являлся в то время очам моим» [4, с. 317].

*Михаил Петрович
Погодин
(1800–1875 гг.)*

Пушкин погиб вдали от Гоголя, в холодном Петербурге. Гоголь был подавлен, растерян. Он еще не сознавал, какая отныне тяжесть перекладывается на него, и какую тяжесть нес на своих плечах, казалось, так далеко живший Пушкин. «Как будто основа обрушилась, и образовался провал, над которым не на чем было стоять, не на что опереться, – писал исследователь творчества Н.В. Гоголя Игорь Золотусский, – Пушкин был Антей и держал он небесный свод... Теперь под этот свод должен был встать Гоголь» [5, с. 228].

В Риме судьба приготовила писателю еще один удар – смерть юного графа Иосифа Виельгорского, к которому Гоголь был очень привязан. Это был чистый и целомудренный человек, близко знакомый с царем Николаем I. Именно Виельгорский помог Гоголю приблизиться к царской семье. Зимой 1845 г. Гоголю довелось видеть императора Николая I. В письмах к разным адресатам он сообщает, что «видел государя два-три раза мельком», «любовался им издали», когда Николай прогуливался в коляске по Монте Пинчио. Виельгорские были ближайшими приближенными царя; отец Виельгорского

уже однажды помог Гоголю – это он прочитал царю вслух комедию "Ревизор". «Всем досталось, а мне больше всех», – милостиво изрек государь, после чего комедия была разрешена к постановке.

Рим

Гоголю, пожалуй, как никому другому из русских писателей было свойственно тяготение к Италии, Риму, охватившее русскую интеллигенцию сороковых годов девятнадцатого столетия. Он любил Италию какой-то особенной, восторженной любовью. Письма Гоголя, адресованные друзьям, родным и единомышленникам из Рима – своего рода памятник этому глубокому и яркому чувству. Рим внушал писателю необъятно широкое, «эпическое» чувство, и если вспомнить, что в Риме писалась эпопея «Мертвые души», то сквозь строки этих писем легко читается обширная и важная тема о благотворном влиянии Рима на творчество Гоголя. Великий труд Гоголя питало то особенное состояние его души, которое он испытывал только в Риме. «Гоголь открыл русской душе новое чувство – ее родство с Римом. После него Италия не должна быть чужбиной для нас, – писал П.П. Муратов, прозаик, искусствовед, издатель, один из ярких представителей русского Серебряного века. – После него должны прийти другие, которые будут писать в своих римских письмах, как он писал Данилевскому: «Ты спрашиваешь, куда я летом. Никуда, никуда, кроме Рима. Посох мой страннический уже не существует.... Я теперь сижу дома, никаких мучительных желаний, влекущих вдаль, нет, разве проездиться в Семереньки, то есть в Неаполь, и в Толстое, то есть во Фраскати, или в Альбано». Пусть другие повторят за ним его прогулки. «Мои прогулки простираются гораздо далее, глубже в поле. Чаше я посещаю термы Каракаллы, Roma Vecchia (Старый Рим) с его храмами и гробницами, Villa Mattei, Villa Mills ...» И тогда не умрет в русской литературе великая часть души Гоголя, вложенная им в этот призыв: «Италия, прекрасная моя, ненаглядная Италия...» [6, с. 11–12].

В Риме русские художники и литераторы любили собираться недалеко от площади Испании на улице Кондотти в старинном кафе Греко. В наши дни при входе в это кафе висит мемориальная доска со словами «Старинное кафе Греко, основано в 1760 году. Взято под охрану государства, как ценный памятник старины». Добавим, не просто ценный памятник старины, а своего рода интернациональный клуб искусств – место встреч и времяпрепровождения знаменитых писателей, художников и композиторов. Тут сживали Гёте, Байрон, Стендаль, Шелли, Андерсен, Бизе, Гуно, Мицкевич, Россини, Берлиоз, Мендельсон, Лист, Вагнер, Тосканини... Гоголь был завсегдатаем знаменитого кафе. В глубине кафе на стене, среди других, можно увидеть миниатюрный портрет Н.В. Гоголя, а чуть далее под стеклом лист бумаги со строками из письма Плетнёву от 17 марта 1842 г.: «О России я могу писать только в Риме, только там она предстает мне вся во всей своей громаде» [4, с. 332].

Кафе "Греко", г. Рим (Италия).

«Верите ли, часто приходит неистовое желание, – пишет Гоголь, – превратиться в один нос, с ноздрями с доброе ведро, чтобы можно было втянуть в себя как можно больше благовония и весны». [1, с. 14].

В Италии он был счастлив, душа пребывала в гармонии, и в Риме он неустанно и вдохновенно работал: главным предметом этой работы были «Мёртвые души», задуманные еще в Петербурге в 1835; здесь же, в Риме, закончил он «Шинель», писал повесть «Анунциата», переделанную потом в «Рим», писал трагедию из быта запорожцев, которую, впрочем, после нескольких переделок уничтожил. Приезд в Рим дает Гоголю «мощный толчок, возвративший писателя к духовной жизни и вере, – пишет в своей книге итальянская исследовательница творчества Гоголя Рита Джулиани. – Пышное барочное убранство римских церквей рождает в его душе одновременно эстетический и религиозный ответ. Вновь возрождается искренняя вера, приглушенная жизнью в северной столице» [7, с. 220].

Только в Риме, тихом солнечном Риме находит он успокоение и сходство с милой ему Малороссией: все патриархально здесь, все в стороне от шума Европы, от ее меняющихся прихотей. «Именно здесь, на улочке, которая носит название «Счастливой» – Via Felice – найдет он две комнатки с «ненатопленным теплом», где в равновесии и забытии и завершит свой великий труд» [8, с. 206–207].

Дом Гоголя в Риме (Италия) на Via Felice

Только в Риме он живет по полгода и больше. Жизнь в Риме падает на зиму, а весной и в начале лета он снимается с места и начинает колесить по Европе, переезжая из страны в страну и нигде не задерживаясь подолгу. Посещает Вену, Париж, Женеvu, Берлин... Что же ищет Гоголь в новых местах? Забвения, успокоения и одновременно узнавания новых языков и новых мест. Еще его гонят в дорогу болезни. Слабый от природы, он рано начинает сдавать физически, особенно сдают нервы. Он ездит лечиться на воды, пользуется услугами европейских врачей. Одиночество тоже побуждает его переезжать из города в город, из страны в страну.

Между тем, в Европе более чем в России, он «лишен общества, лишен дружеской поддержки и понимания. Оставив «Петербург, снега, подлецов, департамент», он оставил по ту сторону черты и себя – свое детство, свою Васильевку, «одноборщиков», Пушкина» [9, с. 206]. Он русский, русский до мозга костей, всей душой преданный далекому своему отечеству. «Или я не люблю нашей неизмеримой, нашей родной русской земли? Я живу около года в чужой земле, вижу прекрасные небеса, мир, богатый искусствами и человеком. Но непреодолимой цепью прикован я к своему, и наш бедный, неяркий мир, наши курные избы, обнаженные пространства предпочел я небесам лучшим, приветливее глядевшим на меня. И я ли после этого могу не любить своей отчизны?» [4, с. 388].

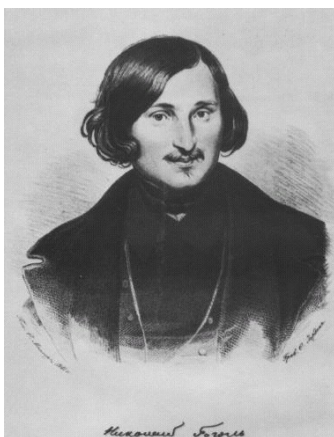
В Риме в ту пору собрался цвет российской интеллигенции, среди них – художник Александр Андреевич Иванов, с которым Гоголь познакомился в «вечном городе».

Иванов пишет картину всей своей жизни о явлении Мессии. «Давно задумал и давно пишет, но не видно конца его работе, потому что велика и необъятна тема, – писал И. Золотусский. – Более всего не дается ему фигура Христа на горизонте, он ее пишет и переписывает, и подолгу сидит Гоголь в мастерской художника, глядя на эти *муки идеи*, которые еще предстоит испытать ему самому» [5, с. 215]. Стремление к непрерывному усовершенствованию своих творений роднит этих гениев кисти и пера. И неслучайно Иванов наделил облик Крестителя чертами Гоголя, своего друга и соотечественника.

*Александр Андреевич
Иванов
(1086–1858 гг.)*

Он тоже пишет и переписывает, читает свое произведение небольшому кругу слушателей (Репнины, Балабины, Зинаида Волконская, которую Пушкин назвал «царицей муз и красоты»). По реакции слушателей, их взглядам, едва уловимой мимике он улавливает скрытые огрехи текста, которые открываются ему лишь при публичном чтении.

*Н.В. Гоголь
Гравюра Ф.И. Иордана с
портрета Ф.А. Моллера*

Осенью 1839 г. Гоголь вместе с Погодиным отправился в Россию, в Москву, где его с восторгом встретили Аксаковы. Потом он поехал в Петербург, где ему надо было взять сестер, о которых неустанно заботился, из института; затем опять вернулся в Москву; в Петербурге и в Москве он читал ближайшим друзьям законченные главы «Мертвых душ». Устроив свои дела, Гоголь опять отправился за границу, в любимый Рим; друзьям он обещал вернуться через год и привести готовый первый том «Мёртвых душ». К лету 1841 г. первый том был готов, а в сентябре Гоголь отправился в Россию печатать свою книгу.

В это время в воззрениях писателя происходит некая метаморфоза, «перелом», не оставшийся незамеченным его друзьями. Русский художник-гравер Ф.И. Иордан, часто встречавшийся с Гоголем в этот период, подтверждает: «исчезло прежнее светлое расположение духа Гоголя. Бывало, он в целый вечер не промолвит ни единого слова. Сидит себе, опустив голову на грудь и запустив руки в карман шаровар, и молчит...» [8, с. 138].

Постепенно нарастают религиозные настроения Гоголя. Он все более погружается в чтение богословской литературы, а свою работу над «Мертвыми душами» воспринимает как «предназначение свыше», как некую «миссию».

«В дороге, в дороге...»

В моменты душевных тревог Гоголь прибегает к испытанному средству – ищет успокоения в дороге. Всю первую половину 1845 г. он проводит в метаниях между Францией и Германией, несколько раз тяжело болеет («я едва было не отклонялся, но Бог милостив», писал он позднее), тогда же Гоголь дважды сжигал рукописи второго тома «Мертвых душ». Осенью того же года Гоголь решает ехать в свою любимый Рим и просит друга, художника Александра Иванова снять ему комнату: «участь моя определилась. После холодного лечения мне сделалось лучше, и я еду теперь к вам в Рим, и по собственному желанию, и по медицинскому совету. Имейте в виду для меня квартирку или в Via Sistina и Felice, или Грегориана, две комнатки на солнце...Я привык к этим

местам и мне жалко будет им изменять» [8, с. 143]. Однако в Риме он поселяется по новому адресу на Via della Croce. Между тем здоровье Гоголя в ту римскую зиму опять серьезно ухудшается.

Душевное одиночество, постоянный спутник Гоголя, объясняется замкнутостью его натуры. Внутренняя жизнь писателя была скрыта от многих, даже при ежедневных и как бы приятельских отношениях. Эта закрытость внутреннего мира от посторонних глаз, эти постоянные душевные метания не помешали писателю дать миру положительного героя, выполняющего миссию очищения от окружающей пошлости и обыденности. Этот герой – смех, но лишь при условии, что осмеяны не люди, а пороки и недостатки. Вечны эти пороки, но вечен и освобождающий смех, и это – правда, та правда, о которой говорится в финале «Театрального разезда после представления новой комедии»: «Нет, засмеяться добрым, светлым смехом может только одна глубоко добрая душа» [4, с. 273]. Высшее благо и заключено в умении видеть негасимый свет сквозь пелену мрака, а для того и надлежит задерживать взор не на окружающих беспорядках, а заглянуть себе в душу. «...Кто льет часто глубокие душевные слезы, тот, кажется, более всех смеется на свете!...» [там же, с. 275].

«Нужно сделаться лучшим»

«...если нет в нас готовности к примирению, то мы ...не к осмеянию других должны обратиться, но к себе, чтобы прежде самим стать лучше», [12, с. 101] – вот задача, которую ставит перед зрителем и читателем Гоголь, вот смысл всей его художественной работы и позднейших религиозных изысканий.

Одним из самых трудных в жизни Гоголя был год 1845-й. В июне этого года писатель опять уехал из России. Это последнее пребывание за границей было окончательным переломом в его душевном состоянии. Он жил то в Риме, то в Германии (во Франкфурте и Дюссельдорфе), то в Ницце, то в Париже, то в Остенде, часто в кружке своих ближайших друзей – Жуковского, Смирновой, Виельгорских, Толстых, и в нем все сильнее развивалось то религиозно-пророческое направление, о котором упомянуто выше. Он был сосредоточенным и созерцательным, все чаще предпочитал уединение обществу даже близких друзей. «Он садился где-нибудь в чаще, – вспоминал Анненков, – упирал зоркие, недвижные глаза в темную зелень, купами сбегавшую по скалам, и сидел недвижимый целые часы с воспаленными щеками» [8, с. 133].

Летом этого года его настигает мучительный душевный кризис. Он пишет завещание, сжигает рукопись второго тома «Мертвых душ», принеся ее в жертву Богу. Письма его этой поры полны жалоб на ухудшающееся здоровье. «Здоровье мое все хуже и хуже, – писал он графу А.П. Толстому в конце марта 1845 года. – Появляются такие признаки, которые говорят, что пора, наконец, и честь знать и, поблагодарив Бога за все, уступить, может быть, свое место живущим» [11, с. 50]. Мнения европейских врачей, к которым обращался Гоголь, были разноречивы. Сам он был склонен приписывать свой недуг нервическому расстройству и утешение находил только в мысли, что его выздоровление в руках Божьих, а не в руках докторов или каких-либо медицинских средств.

Наконец состояние его несколько улучшается, и в благодарность за избавление от болезни Гоголь решает уйти в монастырь и стать монахом, но монашество не состоялось. Зато его уму представилось новое содержание книги, просветленное и очищенное; ему казалось, что он понял, как надо писать, чтобы «устремить все общество к прекрасному». Он решает служить Богу на поприще литературы. Началась новая работа, а тем временем его заняла другая мысль: ему скорее хотелось сказать обществу то, что он считал для него полезным, и он решает собрать в одну книгу все написанное им в последние годы к

друзьям в духе своего нового настроения и поручает издать эту книгу Плетневу. Это были «Выбранные места из переписки с друзьями», изданные в 1847 году.

Большая часть писем, составляющих «Выбранные места...», относится к 1845 и 1846 гг., той поре, когда религиозное настроение Гоголя достигло своего высшего развития. 1840-е годы – пора формирования и размежевания двух различных идеологий в современном ему русском образованном обществе. Гоголь остался чужд этому размежеванию, несмотря на то, что каждая из двух враждующих партий — западников и славянофилов – предъявляла на Гоголя свои законные права. Но, не присоединившись ни к западникам, ни к славянофилам, Гоголь остановился на полпути, не примкнув целиком и к духовной литературе. Идеи Серафима Саровского и Игнатия (Брянчанинова) столь популярные в то время, не увлекали его. Он остался Гоголем.

Высокое представление о своем таланте и лежащей на нем обязанности повело его к убеждению, что он творит нечто провиденциальное: для того, чтобы обличать людские пороки и широко смотреть на жизнь, надо стремиться к внутреннему совершенствованию, которое дается только богомыслием.

Казалось бы, Гоголь после успеха «Ревизора» и «Мертвых душ» мог успокоиться и почивать на лаврах: кто, как не он – признанный корифей русской литературы. Даже критики его единогласно сходились во мнении, что Гоголь непревзойденный гений, что он являет собой целую эпоху. Но он крайне недоволен самим собой, своим творчеством, он мечется в поисках истины и единственно верной формы, в которую он мог бы облечь свое новое мироощущение. Гоголь стремится быть в курсе полемики, развернувшейся в России по поводу «Мертвых душ», активно занимается литературно-издательскими делами – подготовкой в Петербурге издания четырехтомника своих сочинений, пересылает Прокоповичу переделанный финал «Ревизора», комедию «Игроки».

Как уже бывало прежде, на смену плодотворному и деятельному периоду неизбежно приходит депрессия, по времени совпавшая с переосмыслением «Мертвых душ» и изданием «Выбранных мест из переписки с друзьями». Сразу после опубликования в 1847 г. на эту книгу обрушился шквал критики. Особенно резок был В.Г. Белинский: высшая степень его негодования, вызванного «Выбранными местами», выразилась в известном письме критика из Зальцбрунна. Удар чувствовался особенно остро, поскольку незадолго до этого Белинский дал хвалебную рецензию на «Мертвые души»; он писал о «беспримерной в нашей литературе оригинальности и самобытности произведений Гоголя». «У Гоголя не было предшественников в русской литературе, не было (и не могло быть образцов в иностранных литературах)... Его поэзия явилась вдруг неожиданная, непохожая на ничью поэзию» [12, т. 3, с. 62].

*Виссарион Григорьевич
Белинский
(1811–1848 гг.)*

Гоголь мучительно переживал провал своей книги. Лишь А.О. Смирнова и П.А. Плетнев смогли поддержать его в эту минуту, но то были лишь частные мнения, заглушенные хором хулы и порицания. Белинский негодовал, подвергая всякого рода бичеваниям автора «Переписки», между прочим, и потому, что видел в ней «гнусное потворство крепостному праву» и «любовный дифирамб связи русского народа с его владыками».

В ответ на это письмо в том же 1847 г. появляется «Авторская исповедь» – крик души, в котором Гоголь попытался оправдать себя в глазах критиков, прежде всего Белинского, обвинявшего писателя в том, что он отрекся от собственного творчества.

Особенно удручало Гоголя то, что многие его прежние почитатели и даже московские друзья пришли в крайнее раздражение и негодование, и на автора обрушился целый град оскорбительных упреков и обличений. В «Авторской исповеди», жалуясь на то, что предметом толков и критики стала не книга, а сам автор, Гоголь писал: «Подозрительно и недоверчиво разобрано было всякое слово, и всякий наперерыв спешил объявить источник, из которого оно произошло. Над живым еще телом живущего человека производилась та страшная анатомия, от которой бросает в холодный пот даже и того, кто обладает крепким сложением» [1, с. 3].

В Италии Гоголь начал многое мучительно переосмысливать, в нем начала зреть неудовлетворенность «Мертвыми душами». Как видно из письма Гоголя к Жуковскому из Неаполя, он был недоволен своим произведением, находя, что ему не удалось «выставить жизнь в ее глубине, так, чтобы она пошла в поучение»: «Писатель, если только он одарен творческой силой создавать собственные образы, воспитайся прежде как человек и гражданин земли своей, а потом уже принимайся за перо! Иначе все будет невпопад. Что пользы поразить позорного и порочного, выставляя его на вид всем, если не ясен в тебе самом идеал ему противоположного прекрасного человека?» [4, с. 381]. Не находя этих свойств в своем произведении, т. е. во второй части «Мертвых душ», Гоголь сжег ее, вовсе не думая о последствиях столь опрометчивого и трагического по своей сути поступка.

Внутренний мир Гоголя – это непостижимый и непознанный до сих пор космос, это метания и противоречия, недовольство самим собой, религиозные искания, постоянное стремление к духовному самоусовершенствованию, доходящее порой до крайности. Этот гоголевский дуализм и повлиял, в частности, на судьбу «Мертвых душ». После «Мертвых душ» писатель соединил в своем сознании свой путь и путь России, – полагая себя ответственным за ее дорогу к будущему, коль скоро в такой неприглядной наготе им изображены отклонения» [12, с. 62].

В его письмах после 1847 года уже нет прежнего высокомерного тона проповедничества и назидания; он увидел, что описывать русскую жизнь можно «только посреди нее и изучая ее». Убежищем его осталось религиозное чувство: он решил, что не может продолжать работы, не исполнив давнишнего намерения поклониться Святому Гробу. В конце 1847 г. он переехал в Неаполь и в начале 1848 г. отплыл в Палестину, откуда через Константинополь и Одессу, затем вернулся окончательно в Россию. Поездка по святым местам, вопреки ожиданиям, разочаровала Гоголя, не принесла ожидаемого успокоения.

Книгой (в объеме трех томов, как собирался сделать Гоголь) автор надеялся восстановить в России тишину морей житейских, взбаламученных неправдой, стяжанием, дурными страстями, и укротить бурное дыхание людской вражды. Гоголь полагал, что если он сумеет сказать *как надо*, окружающее изменится и дурное ослабнет. Все дело в том, чтобы найти необходимое слово. В таком преобразовании мира состояло для Гоголя назначение искусства.

Он продолжал работать над вторым томом «Мертвых душ» и читал отрывки из него у Аксаковых, но в нем продолжалась та же мучительная борьба между художником и христианином. По своему обыкновению, он много раз переделывал написанное, вероятно, поддаваясь то одному, то другому настроению.

В начале 1852 г. от брюшного тифа умирает сестра одного из близких друзей Гоголя – Екатерина Хомякова. Ее смерть спровоцировала сильнейшую депрессию, последнюю в жизни писателя. Гоголь начинает говеть за неделю до Великого Поста. Однажды, когда он проводил ночь в молитве, ему послышались голоса, говорившие, что он скоро умрет.

Гоголь перестает выезжать из дому. В три часа ночи с понедельника на вторник 11—12 по старому (23—24 по новому) стилю февраля 1852 года Гоголь

*Храм святой мученицы Татианы
г. Москва*

разбудил слугу Семена, велел ему открыть печные задвижки и принести из шкафа портфель. Вынув из него связку тетрадей, он положил их в камин и сжег. Гоголь, несмотря на увещания друзей и Церкви, продолжал строго соблюдать пост, 18 февраля он слег в постель и совсем перестал есть. Все это время друзья и врачи пытаются помочь писателю, но он отказывается от помощи, внутренне готовясь

к смерти. 20 февраля врачебный консилиум решается на принудительное лечение писателя, результатом которого явилось окончательное истощение и утрата сил, вечером он впал в беспамятство, а на утро 21 февраля скончался.

По инициативе профессора МГУ Тимофея Грановского похороны проводились как общественные; писатель был отпет в университетской церкви мученицы Татианы.

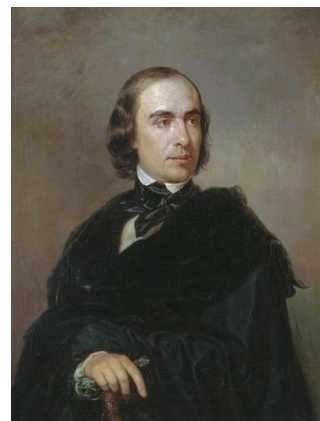
Похоронили Н.В. Гоголя в воскресный полдень 24 февраля (7 марта по новому стилю) 1852 года на кладбище Данилова монастыря в Москве. На могиле был установлен бронзовый крест, стоявший на чёрном надгробном камне («Голгофа»), а на нем высечена надпись: «Горьким словом моим посмеюся» (цитата из книги пророка Иеремии).

Постскриптум

«Я был бы благодарен, если бы меня поминали», – эти гоголевские слова, строчка из «Выбранных мест из переписки с друзьями», книги, которую сам Гоголь как-то назвал единственным своим дельным произведением; книги, за которую его называли сумасшедшим, – прозвучали на Новодевичьем кладбище в день его двухсотлетия. Два века – достаточный срок, чтобы осмыслить всю огромность и мощь его таланта, дать себе отчет в том, что созданное им – бессмертно. Его поминали как великого писателя. Двухсотлетний юбилей – это еще одна возможность прислушаться к Гоголю, перечитать его произведения и вновь осмыслить их.

Отрадно, что в мае 2009 года в Риме состоялась первая церемония награждения премией имени Николая Гоголя. Одним из ее первых лауреатов стал Юрий Манн, автор многочисленных работ о писателе, в том числе «Поэтика Гоголя» и «Жизнь Гоголя».

*Тимофей Николаевич
Грановский
(1813–1855 гг.)*

*Памятник на могиле Н.В. Гоголя
Новодевичье кладбище, г. Москва*

И неведомо, сколько еще появится исследований его творчества, которые приблизят нас к разгадке жизни и смерти гения, к пониманию его горького смеха и постижению его философии.

Гоголь хотел, чтобы его надгробие соответствовало православным канонам. Напомним, что после перезахоронения в 1931-м облик могилы изменился: В 1930 г. Данилов монастырь был закрыт, а кладбище ликвидировано. 31 мая 1931 года могилу Гоголя вскрыли и его останки перенесли на Новодевичье кладбище. Туда же была перенесена и Голгофа. В 1951 г. на могиле вместо Голгофы установили новый памятник в виде постамента с бюстом Гоголя работы скульптора Томского.

Римский парк «Вилла Боргезе», где в июне 2000 г. был торжественно открыт памятник А.С. Пушкину, в декабре 2002-го, к 150-летию со дня кончины Гоголя, пополнился бронзовым скульптурным изваянием писателя, выполненным Зурабом Церетели. Гоголь изображен сидящим на скамье. Он задумчиво смотрит на мир с высоты четырех метров, придерживая на колене собственную улыбающуюся маску. И в этом – намек на Гоголя-мистификатора.

Гоголь ушел из жизни, так до конца и непонятый в своем страстном стремлении к абсолютному духовному совершенству, к абсолютному совершенству своего главного труда – «Мертвых душ». И смерть его стала загадкой, на которую до сих пор нет однозначного ответа. Он полагал написать три тома «Мертвых душ», но смог создать только первый. Такая незавершенность главного труда гения – отнюдь не единичное явление в русской художественной культуре. «Братья Карамазовы» также являются лишь первой частью грандиозного замысла Достоевского. Не закончил свою грандиозную картину, на которой, как известно, в облике Иоанна Предтечи является сам Гоголь, и Александр Иванов.

Гоголь, скитавшийся в зрелые годы вдали от родного дома, обрел свое последнее пристанище в Москве, на Никитском бульваре, в семье близких ему людей – графа Александра Петровича Толстого и его супруги графини Анны Георгиевны. Ныне стоящий во дворе дома графа Толстого памятник работы скульптора Николая Андреева напоминает, что здесь жил Николай Васильевич Гоголь. Скульптор изобразил его задумчивым, согбенным, зябко кутающимся в шинель. В 1909 г. памятник был поставлен на Пречистенском бульваре. Как известно, в советское время этот «декадентский памятник» заменили другим. Андреевский же был убран во двор дома, где умер Гоголь.

*Дом Н.В. Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека
Никитский бульвар, д. 7а, г. Москва*

В доме на Никитском, где писатель творил, молился и размышлял в течение двух с половиной лет и где он сжег рукопись второго тома «Мертвых душ», ныне располагается библиотека, носящая его имя, а во дворе по-прежнему стоит знаменитый андреевский памятник. Взгляд писателя печален и чуть ироничен, словно он вновь и вновь задает вопрос о том, куда же несется Русь – вопрос, на который до сих пор никто не ответил.

Список литературы

1. *Матвеев П.А.* Николай Васильевич Гоголь и его переписка с друзьями. Историко-литературный очерк. – СПб, типография «Общественная польза», 1894.

2. Карамзин, Пушкин, Гоголь, Аксаковы, Достоевский. Библиографические очерки. – Биографическая библиотека Ф. Павленкова, 2-е изд., Челябинск, «Урал LTD», 1997.
3. Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем. – М., 1890.
4. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в шести томах, т. 6. Избранные статьи и письма. – М., изд-во «Художественная литература», 1953.
5. Золотусский И.П., Гоголь. Жизнь замечательных людей. Серия биогр. – М., Молодая гвардия, 1979.
6. Муратов П.П. Образы Италии. Предисловие к первому изданию (1910). – М., 1993, т. 1
7. Джулиани Р., Рим в жизни и творчестве Гоголя, или потерянный рай. – М., «Новое литературное обозрение», 2009
8. Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Риме. – М., 2001.
9. Манн Ю.В. «Сквозь видный миру смех...»: Жизнь Н.В. Гоголя 1809–1835 гг. – М., МИРОС, 1994.
10. Моторин А.В. Духовные противоречия Гоголя. – Великий Новгород, 1999.
11. Воронаев В.А. Н.В. Гоголь: жизнь и творчество. – М., изд-во МГУ, 2002.
12. Мильтон В.И. Эстетика Гоголя. – М., ВГИК, 1998.

Источник: *Культура в современном мире*. — 2010. — № 1. — [Электронный ресурс]. —
Режим доступа: *URL*: <http://infoculture.rsl.ru>